

К. Голстунский

**Критические замечания на
издание профессора Юльга
"Die Maerschen des Siddhi-
Kur"**

**Приложение к 11 тому Записок
имп. академии наук №4**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
К11

К11 **К. Голстунский**
Критические замечания на издание профессора Юльга "Die Maerschen des Siddhi-Kur": Приложение к 11 тому Записок имп. академии наук №4 / К. Голстунский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 49 с.

ISBN 978-5-4241-8352-2

ISBN 978-5-4241-8352-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

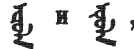
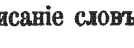

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

либо общія правила, недопускающія преимуществъ той или другой отдѣльной ороографіи? Конечно Калмыки инстинктивно установили извѣстные приемы своей ороографіи, вовсе не думая создавать для того правила и теоріи, но, не смотря на это, во всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ ихъ письменности и въ частныхъ перепискахъ сохраняется приблизительное единство правописанія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, которыя пишутся двумя различными способами, какъ напримѣръ: , , и т. п., но такого рода двойное правописаніе словъ нисколько не противорѣчитъ основнымъ правиламъ языка.

И такъ, г. Юльгъ въ своемъ изданіи Сиддиту-кюра въ основаніе правописанія калмыцкихъ словъ принялъ ороографію Шмидта, подкрѣпленную и его рукописью. Посмотримъ, что это за ороографія? Ороографія, которой слѣдовалъ г. Юльгъ въ своемъ изданіи, на основаніи авторитета Шмидта, не совсѣмъ правильна, и въ ней не только мало калмыцкаго, но даже мало и монгольскаго, изъ чего можно вывести заключеніе, что издателю Сиддиту-кюра не случилось видѣть другихъ калмыцкихъ сочиненій, кромѣ собственной рукописи, и изданій и рукописей Шмидта. Г. Юльгъ допускаетъ правописаніе , т. е. соединеніе твердыхъ гортанныхъ буквъ съ мягкими гласными. Неужели изобрѣтатель калмыцкой азбуки и основатель калмыцкой письменности, Зая Пандита, для того и прискалъ особенные знаки для выраженія каждаго отдѣльнаго твердаго и мягкаго гласнаго звука, чтобы они употреблялись безразлично? Неужели простой и общій законъ сингармонизированія звуковъ въ монгольскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ т. е. согласованія твердыхъ съ твердыми и мягкихъ съ мягкими неизвѣстенъ объяснителю калмыцкаго текста Сиддиту-кюра, допустившему вышеупомянутыя сочетанія? Если уже существуетъ извѣстный законъ согласованія звуковъ въ какомъ-либо языкѣ, то весьма естественно, что такое согласованіе должно выясняться и въ письмѣ, когда имѣются въ языкѣ

особые знаки для выраженія того или другого отдѣльнаго звука. Если возможно допустить правописаніе \mathfrak{Z} , \mathfrak{z} , то по аналогіи можно писать \mathfrak{D} и \mathfrak{d} , и если не противорѣчить основнымъ правиламъ языка первое правописаніе, то нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы не была допущена ореографія \mathfrak{D} и \mathfrak{d} . Мы замѣтимъ, что правильность ореографіи калмыцкихъ словъ можетъ быть установлена только на слѣдующихъ данныхъ, а именно: во 1-хъ, чрезъ отчетливое усвоеніе сокращеній и измѣненій словъ книжнаго монгольскаго языка въ живой рѣчи Монгола и въ калмыцкомъ нарѣчій, и во 2-хъ, на основаніи приложенія правилъ о согласованіи звуковъ вообще къ точному употребленію азбучныхъ знаковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при занятіяхъ своихъ калмыцкимъ языкомъ, и въ особенности при изданіи Сиддигу-кюра, г. Юльгъ пользовался монголо-калмыцкою грамматикою Бобровникова, а потому, предварительно изданія, было бы полезно ознакомиться съ смысломъ §§ 11 и 12 этой грамматики.

Дѣйствительно въ произведеніяхъ калмыцкой письменности замѣтна двоякаго рода ореографія, изъ которыхъ одна еще не вполне установившаяся, не совсѣмъ соответствующая ни основнымъ законамъ языка, ни должному употребленію азбучныхъ знаковъ, явственно выражающихъ каждый отдѣльный звукъ; другая же ореографія — болѣе осмысленная и сознательная относительно точнаго примѣненія азбучныхъ знаковъ къ правильности сочетанія звуковъ. Такая разница въ ореографическихъ приемахъ заключается въ различныхъ произведеніяхъ калмыцкой письменности, а именно въ произведеніяхъ *раннихъ* т. е. относящихся къ первому времени калмыцкой письменности, близкому къ Зая Пандигѣ, и въ произведеніяхъ позднѣйшихъ и частной перепискѣ. Весьма естественно, что въ первыя времена проявленія у Калмыковъ литературной дѣятельности т. е. съ изобрѣтенія Зая Пандигою калмыцкой азбуки, Калмыки должны были заботиться только о переложеніи богословскихъ и другихъ сочиненій на свой родной языкъ и своею азбукою, и невозможно

имъ было обращать должное вниманіе на отчетливое примѣненіе всѣхъ знаковъ своей азбуки къ точному согласованію звуковъ въ письмѣ. Поэтому мы и встрѣчаемъ въ этихъ произведеніяхъ ихъ литературы орфографическія отступленія или, лучше сказать, безграмотность, которая ни коимъ образомъ не можетъ служить основаніемъ правильности орфографіи, а напротивъ подобныя неправильности, какъ не согласныя ни съ теоріей согласованія звуковъ, ни съ точнымъ примѣненіемъ ихъ къ знакамъ азбуки, при изданіи текстовъ научнымъ образомъ, должны быть изгоняемы и исправляемы согласно съ требованіемъ и законами языка. Во многихъ рукописяхъ мы замѣчаемъ, что Калмыки прежде держались такого рода орфографіи: они отмѣчали твердый гласный звукъ *а* (*у*) только въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ не было присутствія твердыхъ гортанныхъ звуковъ, и на оборотъ, въ тѣхъ словахъ, въ которые входили твердые гортанные звуки, недопускающіе мягкаго выговора *а*, они употребляли мягкое *а* (*ü*) и писали, напримѣръ: , а не . Въ литературныхъ произведеніяхъ позднѣйшаго времени и частной перепискѣ, когда Калмыки болѣе освоились съ употребленіемъ своей азбуки, они стали примѣнять свои азбучные знаки къ болѣе точному согласованію ихъ съ выговоромъ словъ и употреблять буквы соотвѣтственно ихъ звуку въ словѣ. На этомъ основаніи Калмыки пишутъ теперь не т. е. съ мягкимъ *а* на концѣ слова, а т. е. съ твердымъ *а* въ концѣ слова, какъ требуетъ того согласованіе звуковъ. Также замѣтно въ раннихъ произведеніяхъ калмыцкой письменности правописаніе словъ съ двумя гласными , какъ напримѣръ въ словахъ: , и тому подобныхъ. Такого рода сочетаніе гласныхъ *о* и *у* употреблялось только въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ въ монг. языкѣ находился гортанный слогъ *а* съ предъидущимъ *а*. Нынѣ же Калмыки пишутъ вмѣсто *о* и *у*, два *у*, а именно: , и т. п. Точно также и во многихъ монгольскихъ рукописяхъ мы встрѣчаемъ въ орфографіи неправильности и отступленія какъ

по отношенію къ точному примѣненію звуковъ въ говорѣ народа, такъ и по отношенію къ согласованію звуковъ вообще. Мы находимъ слѣдующія неправильности: во 1-хъ, при буквѣ \rightarrow (г) очень часто не ставятся двѣ черточки, чрезъ что \rightarrow , должна выговариваться за \Rightarrow (х) въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ эта буква не имѣетъ мѣста, напримѣръ: вм. пишется , вм. пишется . Во 2-хъ, въ среднѣ словъ мягкое у () пишется точно также, какъ въ первомъ слогѣ, напримѣръ: вмѣсто и т. д. Въ 3-хъ, въ словахъ, требующихъ п остано вленія твердаго к (), пишется мягкое к (), напримѣръ: вм. пишутъ и въ 4-хъ, вмѣсто начальнаго \rightarrow и \rightarrow въ началѣ слова пишутъ средняное х и г (,), напримѣръ: вмѣсто пишутъ и т. д.

Всѣ подобныя отступленія, которыя съ теченіемъ времени устранены въ печатныхъ изданіяхъ, относятся только къ безграмотности и небрежности, которую мы находимъ у всѣхъ народовъ и которая не должна служить основаніемъ ореографіи.

И такъ, разница въ ореографіи калмыцкихъ словъ существуетъ, но существуетъ именно на тѣхъ основаніяхъ, которыя мною указаны выше, а не по отношенію къ ореографіи Шмидта или казанскихъ изданій. Г. Шмидтъ въ своихъ изданіяхъ употреблялъ такую ореографію словъ, какою онъ находилъ ее въ первыхъ произведеніяхъ письменности Калмыковъ, когда ореографія не была еще установлена, не обративъ должнаго вниманія на ея безграмотность, а напротивъ того въ казанскихъ изданіяхъ является ореографія позднѣйшихъ произведеній письменности Калмыковъ и общеупотребительная въ частной перепискѣ, болѣе соответствующая законамъ согласованія звуковъ въ языкѣ и точному примѣненію ихъ къ выговору. Руководствуясь ореографіей Шмидта, какъ называетъ самъ г. Юльгъ ореографію, которой слѣдовалъ въ своемъ изданіи, онъ допускаетъ слова съ

слѣдующимъ правописаніемъ, а именно: 3, 2; 3, 1; 8, 1; и т. п., т. е. допускаетъ постѣ твердыхъ дыхъ гортанныхъ звуковъ и присутствіе мя гкаго (ÿ), что противорѣчитъ самымъ первымъ правиламъ языка, изложеннымъ въ §§ 11 и 12 грамматики Бобровникова. Такое отступленіе могло быть допущено самими Калмыками на первыхъ порахъ введенія у нихъ письменности, но такой несообразности невозможно допускать въ изданіяхъ, обработанныхъ научнымъ образомъ.

Указавъ на нѣкоторыя неправильности въ ореографіи калмыцкихъ словъ, которыя произошли отъ увлеченія г. Юльга авторитетомъ Шмидта, не основаннаго ни на чемъ и не подкрѣпленнаго другими научными данными, кромѣ собственной его рукописи, обратимъ вниманіе на неправильность нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ и отмѣтимъ нѣсколько словъ, ореографія которыхъ не соотвѣтствуетъ произношенію ихъ въ говорѣ народа.

На страницахъ 3, 1; 3, 3; 8, 10 и т. д. изданія Сиддитукура встрѣчается частица . Эта частица винит. падежа хотя иногда и встрѣчается въ нѣкоторыхъ литературныхъ произведеніяхъ калмыцкой письменности, но весьма рѣдко, а обыкновенно же она пишется , такъ что надъ чтеніемъ ея въ формѣ , присущей только языку монгольскому, станетъ въ тупикъ не только образованный, но даже и ученый Калмыкъ.

На страницахъ 3, 3; 6, 15; 6, 19; 4, 10; 28, 4; 41, 3; 27, 1; 35, 4; 6, 8 и т. д. мы встрѣчаемъ частицу мѣстнаго падежа ; формы дѣепричастія прошедшаго времени: , , ; склоняемыя формы мѣстоимѣній: , , , и слова съ гортанными звуками, какъ-то: , , и др. Всѣ приведенныя формы и слова, по присутствію въ нихъ гортанныхъ звуковъ, принадлежатъ книжному монгольскому языку и никоимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ языку калмыцкому, въ

которомъ они звучать слѣдующимъ образомъ: , , , , , , , и . Неужели известно г. Юльгу, что гортанные звуки, выговариваемые протяжно, присущи только книжному монгольскому языку и что они, находясь между двумя гласными, исчезаютъ въ говорѣ Монгола и въ калмыцкомъ языкѣ. Было бы открытіемъ, еслибы г. Юльгъ указалъ намъ хотя на одно изъ вышеупомянутыхъ словъ съ гортанными звуками въ какомъ-либо оригинальномъ произведеніи калмыцкой письменности, потому что присутствіе подобныхъ словъ послужило бы доказательствомъ, что Калмыки даже и съ изобрѣтеніемъ своей азбуки, выгѣснившей искусственность словъ и формъ книжнаго монгольскаго языка, продолжали писать не такъ, какъ говорятъ. При этомъ я обращаю вниманіе автора на §§ 34, 35 и 36 грамматики Бобровникова, которые уясняютъ отношенія калмыцкаго нарѣчія къ монгольскому языку и помогаютъ правильному правописанію тѣхъ калмыцкихъ словъ, въ которыхъ болѣе всего встрѣчается затрудненій.

На страницѣ 6, 8 находимъ форму , вовсе неупотребляемую въ калмыцкомъ языкѣ и принадлежащую книжному монгольскому языку. Частицы мѣстнаго падежа въ монгольскомъ языкѣ и , въ калмыцкомъ нарѣчій употребляютъ только въ формѣ сокращенной, а именно: , , , , , , а потому и мѣстный падежъ отъ мѣстоименія въ калмыцкомъ языкѣ будетъ .

На страницахъ 9, 10; 18, 19; 19, 17; 19, 6 и т. д. встрѣчаются формы настоящаго дѣепричастія на , и (эти частицы должны быть читаемы цу, цү и зү). Въ книжномъ монгольскомъ языкѣ дѣйствительно существуютъ частицы и , выговариваемыя «джу и чу», но въ калмыцкомъ языкѣ подобныхъ частицъ вовсе не существуетъ. Какъ въ разговорномъ монгольскомъ языкѣ, такъ и калмыцкомъ нарѣчій эти частицы звучатъ «джи и чи» и пишутся въ послѣднемъ и .

Не перечисляя массы словъ съ неправильнымъ правописа-
ніемъ по отношенію къ выговору ихъ въ народѣ, разбросанныхъ
въ изданіи г. Юльга, мы приведемъ здѣсь только нѣсколько словъ,
дабы указать какого рода эти неправильности и какъ они важны
при изученіи языка. Напримѣръ: вмѣсто кōндой, кондūй;
вм. кōкō — кукū; вм. гūзā — кū зē; вм.
 тōркōн, тōргūн; вм. хāлга, хāлуга и т. д.
 Подобн ныя неправ ильно сти не должны
быть допускаемы ни въ какомъ сочиненіи, а тѣмъ болѣе въ ру-
ководствѣ, предлагаемомъ для изученія какого бы то ни было
языка, потому что неправильность орфографіи ведетъ къ усвоенію
неправильнаго выговора словъ и не представляетъ возможности
составить себя понятіе о точномъ произношеніи ихъ, соответ-
ственнымъ говору народа.

Всѣ вышеуказанныя нами неправильности приводятъ насъ къ
убѣжденію, что рукопись г. Юльга, по которой онъ издавалъ
Сиддиту-кюра, есть ничто иное, какъ передѣлка съ языка мон-
гольскаго и передѣлка не совсѣмъ удачная, и при томъ невоз-
можно допустить, чтобы эта передѣлка была дѣломъ природнаго
Калмыка, для слуха котораго поразительны: во 1-хъ, присут-
ствіе гортанныхъ звуковъ въ нѣкоторыхъ словахъ; во 2-хъ, не-
правильности въ орфографіи по отношенію къ установленнымъ
пріемамъ и въ 3-хъ, неправильности въ орфографіи словъ по от-
ношенію къ выговору ихъ у народа. Мы не сомнѣваемся, что
подобная передѣлка сдѣлана Европейцемъ, занимающимся кал-
мыцкимъ языкомъ, но не вполне знающимъ его.

Перечисляя работы для изученія монгольскаго и калмыцкаго
языковъ, на 12 стр. введенія г. Юльгъ говоритъ, что для кал-
мыцкаго языка ничего не сдѣлано, не издано ни одного кал-
мыцкаго текста, тогда какъ калмыцкій языкъ долженъ быть
ключемъ, приготовительной школой къ изученію монгольскаго
языка, который представляетъ много затрудненій по неопредѣ-
ленности буквъ. Отчасти съ цѣлію доставленія пособія для изуче-

нія такъ мало извѣстнаго монгольскаго языка, и въ особенности калмыцкаго, а отчасти въ виду интереса содержанія, г. Юльгъ и предпринялъ изданіе Сиддиту - кюра. Изъ всего сказаннаго видно, что г. Юльгъ настоящимъ изданіемъ своимъ преслѣдовалъ двѣ цѣли, а именно: пополнить недостатокъ въ руководствахъ къ изученію монгольскаго и калмыцкаго языковъ и познакомить съ содержаніемъ этихъ интересныхъ сказокъ. Это изданіе калмыцкаго текста и перевода, за неимѣніемъ первоначальнаго оригинала, представляетъ интересъ по своему посредству, по возможности ознакомиться съ содержаніемъ этихъ древнихъ и интересныхъ сказокъ, безъ сомнѣнія сложившихся первоначально въ Индіи, но это изданіе въ настоящемъ своемъ видѣ никоимъ образомъ не можетъ служить пособіемъ для занятій калмыцкимъ языкомъ. Принявши его въ руководство, можно научиться языку уродливому, какой то смѣси монгольскаго книжнаго языка съ калмыцкимъ, но никакъ не настоящему чистому языку калмыцкому, не говоря о многихъ неправильныхъ лексическихъ и грамматическихъ толкованіяхъ автора. Хотя г. Юльгъ и полагаетъ, что изданіемъ калмыцкаго текста и словаря онъ оказалъ великую услугу, но, къ сожалѣнію, мы никакъ не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Изученіе литературнаго калмыцкаго языка не требуетъ какихъ-либо особенныхъ пособій; онъ, какъ нарѣчіе языка монгольскаго, изучается совершенно свободно и легко при тѣхъ пособіяхъ для изученія монгольскаго языка, которыхъ довольно много представлено русскими оріенталистами, нужно только предварительно ознакомиться съ нѣкоторыми отступленіями его отъ языка монгольскаго. Какъ въ книжномъ монгольскомъ языкѣ, такъ и въ литературномъ калмыцкомъ, кромѣ нѣкоторыхъ особенностей послѣдняго, состоящихъ въ отсутствіи гортанныхъ звуковъ и смягченіи нѣкоторыхъ гласныхъ, мы находимъ одинаковое употребленіе словъ для выраженія извѣстныхъ понятій, одинаковое строеніе рѣчи, одни и тѣже грамматическія формы, однимъ словомъ существенной разницы между этими языками не существуетъ, да и

не можетъ существовать, потому что это одинъ и тотъ же языкъ. Совершенно иное представляетъ намъ языкъ народный, являющійся въ говорѣ и національныхъ произведеніяхъ, какъ то въ сказкахъ, пѣсняхъ и проч. и до сихъ поръ изданныя пособія дѣйствительно недостаточны для изученія этого отдѣла языка ни въ лексическомъ, ни въ грамматическомъ отношеніяхъ. Здѣсь представляется совершенно другой міръ, строеніе и обороты рѣчи являются болѣе легкими и свободными, теченіе ея значительно плавнѣе и пріятнѣе, чѣмъ въ языкѣ номовъ; выступаетъ на сцену много новыхъ грамматическихъ формъ и комбинацій, легче объяснимыхъ, чѣмъ всѣ книжныя формы; встрѣчаются слова, которыхъ, можетъ быть, никогда не заносились въ языкъ литературный. Здѣсь является все природное богатство языка, и это то богатство должно быть особенно изучаемо и исчерпываемо во всѣхъ его изгибахъ. Советуемъ г. Юльгу прочесть изданную нами Джангаріаду, въ которой читатель становится лицомъ къ лицу съ народомъ, и углубиться въ языкъ этого народнаго эпоса. И такъ, недостатокъ пособій для изученія монгольскаго и калмыцкаго языковъ заключается не въ томъ, что мало руководствъ для изученія языка литературнаго, языка номовъ, такихъ пособій достаточно, но главный недостатокъ заключается въ неимѣніи пособій для изученія народнаго языка. Такой недостатокъ мы намѣрены восполнить изданіемъ объясненій къ Джангаріадѣ и калмыцко-русскаго словаря, въ который предполагаемъ внести все то, что мы имѣемъ подъ руками изъ національныхъ произведеній Калмыковъ.

Что касается убѣжденія автора, что изученіе калмыцкаго языка должно служить ключемъ для изученія языка монгольскаго, то такое мнѣніе весьма ошибочно, и мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы изученіе какого бы ни было основнаго языка могло начинаться съ изученія его нарѣчій, а за тѣмъ уже переходить къ изученію основнаго языка. Мы полагаемъ, что естественнѣе начать изученіе языка съ уясненія общихъ его законовъ и за тѣмъ изучать частности и различныя обособленія,